

ХАИМ НАХМАН БЯЛИК

София Пазина

Современная ивритская поэзия в широком смысле этого понятия ведет начало с последнего десятилетия 19 века, с произведений Нахмана Бялика и Шауля Черниховского. У Х. Н. Бялика (1873-1934) впервые, если не считать отдельных опытов его предшественников, в ивритской поэзии зазвучал голос конкретного человека, стихотворения которого созданы в определенных обстоятельствах, по следам личной биографии автора, т.е. рождены его чувствами и раздумьями. Бялик стал первооткрывателем лирического «я», которое, даже представляя в виде символа, содержало уникальный отпечаток персонального поэтического сознания и личной биографии.

Отправной точкой поэзии Бялика стала действительность, говоря словами поэта, «мира, что в моем сердце». В стихотворении «Море тиши молвит тайны» он так и сказал: «Нет у меня мира иного, Кроме того, что в моем сердце».

Имя Хаима Нахмана Бялика в свое время было известно каждому образованному человеку в России. Его стали называть еврейским национальным поэтом почти сразу же, после того как он появился на литературной арене. Бялик писал, в основном, на иврите и, естественно, узнать его стихи в подлиннике могли лишь немногие. При всех достоинствах переводов, а переводили Бялика, кроме Жаботинского, такие поэты, как Вяч. Иванов, Федор Сологуб, Валерий Брюсов, Балтрушайтис, Ходасевич, заменить ими знакомство с подлинниками достаточно сложно. Но, благодаря дарованию поэтов, его переводивших, его стихи в ряде случаев становились фактами настоящей русской поэзии. Однако в течение последних 80 лет в России его не переиздавали, и его творчество было практически незнакомо русскоязычному читателю.

Хаим Нахман Бялик родился в 1873 году в одном из мелких местечек Волыни. Отец его был бедняк и служил у арендатора надсмотрщиком лесного участка и мельницы. Затем, года за три до смерти, он потерял эту службу и открыл корчму. Торгуя за прилавком, он постоянно читал Талмуд. Такие контрасты еще не были редкостью в тогдашнем быту.

Местечко лежало в одной из живописнейших местностей Волыни, кругом были поля и леса, недалеко – большой пруд. У мальчика Хаима Нахмана не было товарищей, он всех дичился и по целым дням пропадал где-то за околицей. Потом, через много лет, оказалось, что он там не был одинок: там у него были товарищи, только незримые обыкновенному глазу, особенно глазу взрослого человека. Для ребенка всё в природе было живое. Когда ему исполнилось шесть лет, семья переселилась в Житомир. Здесь они жили тоже за городом, на краю бедного предместья, у самой речки. Но мальчику в шесть лет пора учиться, и его отдали в хедер. Учителя больно били детей, мальчику трудно давалась азбука, и он искал в очертаниях букв черты знакомых людей или образы из картин природы. Летом дети занимались на воздухе, и потому еще некоторое время мальчик сохранял связь со своей любимой подругой – природой. Но, когда мальчику шел седьмой год, его отец умер, и семья по-настоящему голодала.

Хаим Нахман поселился у деда. Старик был талмудист, целыми днями сидел над книгами, и это послужило примером для мальчика. Несмотря на его постоянные шалости, учился он хорошо, он перечитал практически все книги, что были в библиотеке деда, многого не понимая, но, в то же время, шлифуя и изошряя свой ум и проникая в самую глубину духовной жизни вечного народа. В тринадцать лет он стал учиться в *бет-хамидраше*, это нечто среднее между Домом Молитвы и Домом Священной науки. В эти годы он начинает увлекаться книгами «просветительного» содержания. Бет-ха-мидраш стал ему тесен, его потянуло в Берлин, ему грезилась раввинская семинария и титул «доктора философии». Но о Берлине он мог только мечтать, а более реальным был

Воложинский ешибот (высшая школа иудаизма) в литовском местечке Воложин, существовавший там с 1803 года.

*Тот же старец, ветхий, слабый,
Весь он высох, весь в морищинах,
Так же возится уныло
Он среди книг своих старинных....*

*Юный, бодрый мир остался
Там, за этими стенами.
Здесь всё тихо, здесь вы те же,
Здесь истлеть бы вместе с вами!...*

(Из стихотворения «По возвращении»)

Ему говорили, что там проходят не только еврейские предметы, но и светскую науку. Так пятнадцатилетний Бялик оказался в Воложине. Как выяснилось, там не изучали светских наук, и всё обучение начиналось и заканчивалось Гемарой. Он увлекся учебой, и успехи его были таковы, что через несколько месяцев он стал пользоваться авторитетом даже у хасидов. Но жизнь не стояла на одном месте, ученики волновались, требовали включения в программу общеобразовательных предметов. С помощью сверстников Бялик научился читать по-русски. Первой книгой на русском языке, которую он прочел, были стихотворения Семена Фруга (1860-1916), поэзия которого была, в основном, посвящена скорби о страданиях еврейского народа. «В наиболее удавшихся ему стихотворениях С. Фруг – певец еврейства по преимуществу – представляет литературный интерес. Мечтая о том, что когда-нибудь «придет пора – исчезнет злоба; одной ликующей семьей под знамя света и свободы стекутся мирные народы», поэт исходит из тех преследований, которым подвергается его родной народ, но его мечты заключают в себе идеалы общечеловеческие» (Из газеты «Петербургский листок», 1898 г.).

Эти стихи произвели громадное впечатление на юношу. В 1891 году в газете «Хамелиц», издававшейся в Петербурге, появилось его первое произведение – статья палестинофильского содержания под заголовком «Идея колонизации». Она была написана по поручению кружка, образовавшегося в ешиботе под влиянием еврейской публицистики того времени. Уже существовала теория возрождения национального духа через «культурный центр» в Палестине. Эта теория отличалась тем, что отрицала возможность нового «исхода» в больших размерах, зато она настаивала на национальном перевоспитании еврейских масс в диаспоре. С другой стороны, некоторые группы ортодоксов проповедовали сочетание строгого обрядового благочестия с современным просвещением. В результате всех этих дискуссий и было предложено Бялику написать эту статью, которая была напечатана в «Хамелиц».

За двухлетнее пребывание в ешиботе писательское призвание в нем окрепло и определилось. Жизнь в Воложине сделала его более смелым и самостоятельным, и он без денег и без связей отправился в Одессу, где в то время группировался кружок популярных еврейских литераторов вокруг Ашера Гинцберга, еврейского публициста и философа, теоретика «духовного сионизма». В Одессе Бялик предложил писателю И. Равницкому свое стихотворение «К ласточке». Это стихотворение было встречено с большим интересом.

Несмотря на первый успех, в Одессе он терпел и голод, и холод, хотя тамошние писатели ему покровительствовали, доставили ему платные уроки еврейского языка, дали возможность выучиться немецкому. Дед его умер. Вскоре он женился, занялся лесной торговлей, потом переехал в Польшу, в Сосновицы, где давал уроки. В 1900 году Бялик опять поселился в Одессе. Он очень много читал, упорно занимался самообразованием и считался одним из лучших знатоков еврейской литературы всех эпох.

Бялик – национальный поэт в полном и высшем смысле этого слова, национальный даже там, где он поет о солнце и любви. Ибо он написал только то, что пережил, а жизнь его была отражением и повторением коллективного бытия еврейской улицы в последнюю четверть 19 века и в первую треть 20 века Бялик сам рассказал нам свою литературную биографию в стихотворении «Если ангел спросит...» На вопрос ангела, охраняющего таинственный порог, поэт рассказывает ему историю своей души. Где-то на краю света, в глухом местечке, играл на улице ребенок, одинокий, нежный, задумчивый: « *И тот ребенок, о, ангел, – то был я*». Однажды ребенок залюбовался на белую тучку – и душа его потянулась к ней и упорхнула.

*В тех безжизненных буквах песня жизни таилась,
В ветхой дедовской Книге сердце вечности билось,
И душа моя пела песнь о тучке сквозистой,
О луче светозарном, о слезинке лучистой,
Об истрепанной Книге в пятнах воску и сала –
Про любовь и про юность только песен не знала.
И куда-то рвалась и томилась о чем-то,
Тосковала и ныла, словно в тесной темнице;
И однажды раскрыл я обветшалую Книгу –
И душа улетела на волю.*

*И с тех пор она в мире бесприютно блуждает,
Бесприютно блуждает и не знает утехи;
И в стыдливые ночи, когда месяц рождается,
Когда молятся люди над ущербом светила,
Она грезит любовью пред порогом запретным,
И стучится, прижавшись, беззвучно рыдая
И молясь о любви...*

«Это, в самом деле, основное содержание поэзии Бялика: обожание, иногда похожее на ясную радость, иногда – на мучительную жажду; преклонение пред Книгой, святою Книгой, и, наконец, слезы, слезы разной крепости и разного состава, от явных слез уныния до затаенных, ядовитых слез нестерпимого гнева» (В. Жаботинский).

Первым учителем поэта был сверчок в щелях родимой лачуги. Субботний ужин без вина, без белого хлеба, семеро детей, каждому по черствой корке и по куску селедки – старая, сто раз перепетая картина. Но после еды, согласно чину, отец затягивал традиционно субботние гимны – «змирот», голодные дети подпевали, и тогда им аккомпанировал незримый сверчок, «певец нищеты», и его песня, «тоскливая, как смерть, как бессмыслица приниженной жизни, и печальная, без конца и предела печальная», стала образцом для поэта.

*Жизни без надежды, затхлой, топкой, грязной,
Мертвенно-свинцовой, жалко-безобразной –
Жизни пса, что рвется на цепи, голодный...
О, проклятье жизни, жизни безысходной...*

«Из этой жизни, где не брезжило ничего, кроме слез и Книги, сердце вынесло несказанную жажду счастья, красоты, солнца – особенно Солнца. Трудно найти у другого поэта, когда б он ни жил и на чьем бы языке ни писал, такое идолопоклонническое обожание солнечного света: только в темных подвалах еврейского переулка, только в полумраке бет-ха-мидраша, только в гетто, оторванном от солнца и природы, могло родиться это поклонение». (В. Жаботинский).

Целый ряд произведений поэта посвящен этому упоению светом и роскошью природы.

Но понятие красоты не исчерпывается красотами природы – есть у жизни и другие прелести, более интимные, более могущественные – это мечты молодости, страсть, любовь. Старое гетто, подлинное, нетронутое, правоверное, патриархальное мало знало об этой стороне жизни. Его женщины могли бы, если бы знали, повторить о себе слова пушкинской няни: «и полно, в наши лета мы не слышали про любовь, а то бы согнала со света меня покойница-свекровь». «Эти цельные, плотно сложившиеся быты почти не оставляли места для таких капризных, зыбких неучитываемых двигателей, как любовь: функция воспроизведения обставлялась в этой среде прочными, незыблемыми правилами, против которых никому и в голову не приходило восставать и которые делали любовь чем-то неуместным, социально лишним» (Вл. Жаботинский). У Бялика есть, конечно, стихотворения, посвященные любви, есть даже среди них маленькие шедевры, такие, например, как его идиллия «Мотылек», пропитанная истинным сверканием первой молодости.

*Целый мир – это блеск, это гимн, и кругом
Несказанно клокочет богатство живое,
И тропинкой меж лесом и нивой бредем
Молчаливо мы двое.
Мы бредем и бредем, а тропа всё длинней,
Справа бабочки вьются, колосья рокочут,
Слева заросли нас паутиной теней
И просветов щекочут....*

Некоторые вещи этого цикла дают полную иллюзию подлинности. К такому циклу примыкает и внешне иная вещь – «Свиток о Пламени» – поэма о роковой неполноте национального бытия народа в изгнании. Со дня, когда была утрачена независимость, а за нею – Родина, со дня, когда на разрушенном алтаре догорело святое Пламя, символ полновесной, многоцветной жизни, еврейский народ ограничил свое бытие суровыми и тесными железными гранями. Всё, что есть роскошь жизни, было изгнано из национального обихода: изгнана любовь, радость, творчество, изгнано всё то красивое, сверкающее, что Бялик объединяет в символе женщины, женственного начала. Только этой ценой мог безземельный бродяга сохранить остаток того, что есть высшее сокровище каждого племени – остаток своей самобытной личности, последнюю прядь от догоревшей «гривы Огненного Льва». И вот на почве этой двадцативековой борьбы между радостью бытия и суровой миссией самосохранения развивается у Бялика великая трагедия евреев до Катастрофы – нецельность, двойственность, сумеречная шаткость и зыбкость еврейской души. По-разному можно воспринимать те или иные главы этой поэмы, но, в любом случае, ее можно считать исповедью целого поколения.

*Всю ночь оно пылало, воздымая
Ввысь над горою Храма языки
Огня. С высот опаленного неба
Сверкали звёзды ливнем искрометным
Наземь. Или Господь Свой трон небесный
И Свой венец вдребезги разбил?*

Национальная идея, пробужденная после 1889 года, но впоследствии ослабевшая, вновь начинает захватывать и массы, и часть интеллигенции. Первые сионистские конгрессы создают вокруг себя атмосферу неслыханного энтузиазма; в то же время рядом организуется Бунд и по мере своего роста заменяет космополитическую идею

национальной. Новое поколение хотело активно вмешаться в историю и само строить свою судьбу. И среди всё громче звучащих голосов ясно выделялся голос поэта Хаима Нахмана Бялика. Назовем стихотворения этого цикла: «Глагол», «Вот она, кара небес», и, в особенности, «Сказание о погроме» – произведения, по праву заслужившие Бялику имя воспитателя своего поколения.

В стихотворении «Вот она, кара небес» Бялик подходит вплотную к самой печальной, самой жалкой стороне еврейского упадка – к ассимиляции. Что особенно поразило его, это – «искренность рабства, рвение и усердие не за страх, а за совесть, вносимое евреем в свою барщину; это не просто порабощенный человек, несущий ярмо по принуждению, – это раб сознательный, охотно целующий барскую руку» (Вл. Жаботинский).

*Служите камням чужбины с упоеньем, с жалкой любовью
В раболепно-усердном поте,
Пожирающем ваше тело, в муках, истекая кровью,
Вы в придачу душу даете.
Строите новый Рамсес попирающим вас фараонам,
А кирпичи – ваши дети;
И не слышен вам хруст их костей, и не внемлете жалобным стонам,
Зачарованы свистом плети.*

Особенно эта последняя жертва, заклятие младенцев на чужом алтаре, поднимает бурю отчаяния и горечи в душе поэта.

*И если родится меж вас орленок с орлиным взором,
Вы его прогоните сами;
И потом воспарит орел к красоте, и лучам, и просторам –
Но не для вас и не над вами...
...Так все лучшие ваши уйдут по чуждой дороге
И бездетным оставят жилище;
Оскудеет ваш шатер, и станет в вашем чертоге
Безобразно, тоскливо и нище...*

Это было написано в 1905 году. Многие из тех, к кому Бялик обращался, гордо и смело держались на гребне волны, в каждом их слове звучала песня возрождения, и толпа верила, и они сами в себя верили. Но крики возрождения не обманули Бялика. В стихотворении «Глагол» он писал:

*Что-то свершилось над нами, но что – нам невнятно,
Никому – никому...
Взошло ли нам солнце или погасло, умирая, –
Или погасло навсегда?*

К этому внутренне относится еще одна крупная вещь, хотя она очень далека от современности, а по тону и настроению – от яда и горечи только что процитированных песен гнева. Душа поэта устала от укоризн и негодования, и поэт рассказал своим братьям, в форме легенды или видения, *какими* он хотел бы их видеть наяву. Это – «Мертвецы пустыни», одна из крупнейших его поэм и, пожалуй, лучшая с художественной точки зрения.

Поэма построена на талмудической легенде. Библия повествует, что некоторая часть людей, вышедших из Египта, не пожелала подчиниться Б-жьей воле, обречшей весь этот род на смерть в пустыне. Они попытались насильно прорваться в Обетованную

Землю и пали, перебитые ханаанеями. Талмуд рассказывает, что один странник видел этих мятежных «мертвецов пустыни»; они все там же, гигантский и молчаливый стан воинов, затерянных среди песчаных пустынь. Только буря иногда, раз во много столетий, пробуждает их от сна, и они поднимаются и, потрясая мечами, повторяют клятву – бороться против всех стихий и против самого Б-га...

Эта поэма, прославлявшая предков, появилась в 1902 году. Всего через год, в апреле 1903 года, разразился Кишиневский погром и показал воочию, с кровавой осязательностью, к чему приводит смирение, покорность. Тогда Бялик обрушил на склоненное темя своего народа самую ужасную страницу, какую знает еврейская литература после пророков: он написал «Сказание о погроме».

Кишиневское событие всегда будет у нас днем национального траура; но не в том историческое значение этого страшного дела. Кровавая Пасха 1903 года отмечает в истории еврейского пробуждения перелом, между, разграничивающую две эпохи, две психологии. «Еврейская улица» до и после Кишинева – далеко не одно и то же. В Кишиневе история подвергла перерождающееся гетто страшному экзамену на зрелость. И гетто провалило этот экзамен. Его дети оказались неподготовленными к открытой борьбе. Смутное чувство, сложное, непонятное овладело всеми еврейскими сердцами в огромной России при вести о Кишиневе. Это не было простое чувство горя. В глубине этой скорби таилось чувство позора, и об этом громко и горько сказал Бялик своей поэмой. Это – одно из тех редких литературных произведений, которые кладут печать на свою эпоху. Позор Кишинева больше нигде и никогда не повторялся. В 1904 году был Гомель; в 1905 году несколько сот погромов разразилось по всей России; еврейская скорбь повторилась еще беспощаднее прежней – но позор не повторился. Новая еврейская душа шла к своей зрелости. Ранее погромная кровь рассматривалась, по чьему-то нашумевшему выражению, как «смазочное масло для колес прогресса». Для Бялика благо родного народа есть единственное оправдание мира, единственный смысл бытия и Вселенной. Вне этого блага всё остальное для него – ложь.

*...Встань, и пройди по городу резни,
И тронь своей рукой, и закрепи во взорах
Присохший на стволах, и камнях, и заборах
Остылый мозг и кровь комками: то – о н и.
Пройди к развалинам, к зияющим проломам,
К стенам и очагам, разбитым, словно громом;
Вскрывая черноту нагого кирпича,
Глубоко врылся лом крушительным тараном,
И те пробоины подобны черным ранам,
Которым нет целенья и врача.*

*... Так честь Мою прославили превыше
Святых небес народам и толпам:
Рассыпались, бежали, словно мыши,
Попрятались, подобные клопам,
И околели псами...*

*Сын Адама,
Не плачь, не плачь, не крой руками век,
Заскрежещи зубами, человек,
И сгинь от срама!*

*... Нет, ты их не жалей. Ожгла их болью плоть –
Но с болью свыклись, и сжились с позором,
Чресчур несчастные, чтоб их громить с укором,
Чресчур погибшие, чтоб их еще жалеть.*

*Оставь их, пусть идут – стемнело, небо в звездах,
Идут, понуры, спать – спать в оскверненных гнездах,
Как воры крадутся, и стан опять согбен,
И пустота в душе бездоннее, чем прежде;
И лягут на тряпье, на сброшенной одежде,
Со ржавчиной в костях, и в сердце гниль и тлен...*

*А завтра выйди к ним: осколки человека
Разбили лагеря у входа к богачам,
И, как разносчик свой выкрикивает хлам,
Так голоса они: «Смотрите, я – калека!
Мне разрубили лоб! Мне – руку до кости!»
И жадно их глаза – глаза рабов побитых –
Устремлены туда, на руки этих сытых,
И молят: «Мать мою убили – заплати!»*

.....
.....
*Что в них тебе? Оставь их, человеке,
Встань и беги в степную ширь, далече:
Там, наконец, рыданьям путь открой,
И бейся там о камни головой,
И рви себя, горя бессильным гневом,
За волосы, и плачь, и зверем вой –
И вьюга скроет вопль безумный твой
Своим насмешливым напевом...*

Пер. В. Жаботинского

Дать равноценный перевод Бялика мог только поэт, равный ему по таланту. В подлиннике эта поэма написана так называемым библейским размером, неуловимый ритм которого трудно было бы сохранить в русском переводе. Но Зеев Жаботинский сумел справиться с этой весьма непростой задачей и своим стилем передал потрясающий тон оригинала.

Говоря словами Ходасевича, «мудрость Бялика – не вчерашняя, не завтрашняя. Она – вечная, потому что почерпнута в самой толще его народа. Если необыкновенна судьба этого народа, то так же необычаен и этот глубоко национальный поэт. Как таинственно единство этого распыленного народа, так таинственна и судьба его поэта: о древнем и будущем он говорит, как о нынешнем, о вечном – как о вечном».

Сам поэт считал поэму «Свиток о Пламени» вершиной своего творчества, и он был задет непониманием этой работы. Вероятно, поэтому после 1916 года он практически не писал стихов. Современников мучила тайна молчания Бялика, одни объясняли ее душевным кризисом поэта, другие – его реакцией на несостоятельность поколения, к которому были обращены его призывы.

Страх перед бедностью, которую он познал в детстве и юности, побудил Бялика, с трудом вырвавшегося из Советской России в 1921 году, поехать не в Палестину, а в Германию, где он предполагал восстановить деятельность ликвидированного советской властью издательства «Мория» и обеспечить себе стабильное в материальном отношении будущее. Вместе с семьей Бялика Россию покинули и семьи еще нескольких деятелей культуры на иврите, т.е. той культуры, которую советская власть желала задавить. Кроме «Мория», Бялик основал еще одно издательство «Двир» и скупал книги других издательств, чтобы отправлять эти книги на иврите в Эрец-Исраэль, а также в содружестве с Зейдманом начал создавать иллюстрированные книги детских стихов и сказок.

К своему пятидесятилетию Бялик подготовил полное юбилейное собрание своих сочинений: поэзия, переводы, художественная проза, статьи и эссе. Чествование Бялика вылилось в волну национального ликования во всем еврейском мире. На следующий после юбилея день прозвучал протест поэта:

*Под пыткой вашего привет
Склонилась в прах душа моя.
...Что вы пришли в мою обитель?
В чем грех, в чем подвиг мой? Весь век
Я был не бард, и не учитель,
И не пророк. Я дровосек.*

Пер. П. Баркова

В марте 1924 года Бялик с семьей приехал в Эрец-Исраэль, где был восторженно встречен народом. В 1925 году Бялики переехали в свой собственный дом, который позднее был превращен в музей поэта.

Богатство и точность языка Бялика, его гибкость и естественная послушность мысли поражали читателей, ведь процесс превращения иврита из книжного языка в язык по-настоящему живой как раз тогда был в разгаре. Не соглашаясь с позицией Элиэзера Бен-Иегуды, возрождавшего иврит, Бялик утверждал, что «в творчестве языка, как и во всяком художественном образе, нет нужды создавать из ничего, надо только обнажить, раскрыть сокровенное в тайниках». Время доказало жизнеспособность обоих путей развития языка.

Весной 1927 года на сессии писательской организации Бялик заявил, что «иврит и идиш обречены на небесах, и их не разлучить». За это он не раз подвергался нападкам со стороны тех, кто считал идиш языком галута, неприемлемым на Святой Земле.

Шестидесятилетие поэта (январь 1933 года) прошло скромно. К тому же, это был год прихода к власти в Германии Гитлера. Уже начиная с 1929 года, Бялик во время своих поездок по Европе предсказывал будущую трагедию и призывал евреев уезжать из Европы – еще один пример его пророческого дара.

В Тель-Авиве была учреждена Литературная премия Бялика, которая после образования государства стала Государственной премией.

В начале июня 1934 года, после тяжелой болезни, Бялик умер в одной из больниц Вены. День, когда в Эрец-Исраэль привезли его останки, стал днем всенародного траура.

С уходом Бялика из жизни не прервалась нить ивритской поэзии. Его достойными последователями и продолжателями стали Шаул Черниховский, ушедший из жизни в 1943 году, а также Авраам Шлионский, Натан Альтерман, Леа Гольдберг и многие другие. Вечен еврейский народ, и бесконечен список людей, составляющих его славу и гордость. И Хаим Нахман Бялик принадлежит, безусловно, к их числу.

Источники

1. Хаим Нахман Бялик. Стихи и поэмы. Иерусалим: Библиотека – Алия.– 1994.
2. Дан Мирон. Ивритская поэзия от Бялика до наших дней.
Иерусалим: «Гешарим». – 5763.
М.: «Мосты культуры». – 2002.